

СЕРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ ДИСКУРСА ЭРНЕСТО ЛАКЛАУ И ШАНТАЛЬ МУФФ	14
ГЛАВА 2. ПРЕДЫСТОРИЯ ЕВРОМАЙДАНА: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАСКОЛ	31
ГЛАВА 3. МИФОЛОГИЯ ЕВРОМАЙДАНА: ВОИНЫ СВЕТА ПРОТИВ ЦАРСТВА ТЬМЫ	45
ГЛАВА 4. ПОПУЛИЗМ ЕВРОМАЙДАНА: «МЫ — НАРОД»	59
ГЛАВА 5. АНТАГОНИЗМ ЕВРОМАЙДАНА: СТРУКТУРА ДИСКУРСА	71
ГЛАВА 6. ТОТАЛИТАРИЗМ ЕВРОМАЙДАНА: КОНСТРУИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА	86
ГЛАВА 7. КОНСПИРОЛОГИЯ ЕВРОМАЙДАНА: ТРАГЕДИЯ В ОДЕССЕ	104
ГЛАВА 8. ПОСЛЕВКУСИЕ ЕВРОМАЙДАНА: АФФЕКТ ЗЕЛЕНСКОГО	118
ГЛАВА 9. ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ЗАПАДНОЦЕНТРИЗМА	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
БИБЛИОГРАФИЯ	163

Введение

ХОТЯ идеология Просвещения в последнее время широко критикуется в академических кругах, ее основной нарратив — неумолимое движение человечества к общему прогрессивному состоянию — до сих пор определяет границы социального воображения многих активистов, ратующих за демократические преобразования общественных отношений. В этой книге анализируется гегемонистский дискурс украинского Евромайдана, представлявшего демократизацию и прогресс в однонаправленных терминах развития по образцу «более развитых» западных стран. Как показывает приведенный ниже анализ, это западноцентричное воображение антидемократично и антагонистично по своей сути. Вместо того чтобы способствовать инклюзивному политическому процессу, в который вовлечены все группы населения, придерживающиеся различных взглядов на происходящее в стране, «прогрессивный» дискурс Евромайдана проводил жесткую грань между «прогрессивистами» и «ретроgrадами» («совками», «ватниками», «колорадами» и др.), углубляя существующие общественные противоречия и провоцируя новые конфликты. Этот дискурс также натурализовал иерархию глобальной неокOLONиальной системы в ее неолиберальном варианте.

Для деконструкции нарратива однонаправленного исторического прогресса, представляющего западный мир как олицетворение «нормального развития», в книге используется теория дискурса Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф [Laclau, Mouffe, 1985], в которой «дискурс» выступает силой, формирующей социальные отношения и устанавливающей горизонты общественного воображения. В соответствии с этой теорией история концептуализируется не как восходящий континуум разных стадий развития, а как прерывистая мозаика гегемонистских формаций и исторических блоков. Любая социальная трансформация определяется как прогрессивная или регрессивная не объективно, с точки зрения абстрактной «прогрессивной» парадигмы, а с субъективной позиции той или иной социальной группы, участвующей в политическом процессе.

В качестве нормативного ориентира выстраивания таких общественных отношений, в которых не будет места для маргинализации «других» — людей альтернативных взглядов, противящихся «прогрессу», — в книге также используется теория Муфф о радикальной плюралистической демократии [Mouffe, 2005; 2009; 2013]. Анализ, основанный на этой теории, показывает, как западнцентристский дискурс Евромайдана подрывал основы демократической общественной сферы посредством замыкания смысла и вытеснения альтернативных интерпретаций. Начало этого смыслового замыкания произошло тогда, когда украинцы, не поддержавшие Евромайдан, были представлены его активистами не как политические противники, стремящиеся по-другому организовать общее символическое пространство, а как враги.

Активисты Евромайдана относились к антимайданным взглядам своих соотечественников как к ненормальному состоянию (исторической аномалии), нуждающемуся в исправлении или искоренении. Основанный на мо-

дели «дискурсивно-материального узла» Нико Карпентье [Carpentier, 2017], анализ антагонистического дискурса Евромайдана, представленный в книге, позволяет проследить, как нежелание (или неспособность) активистов движения видеть в своих противниках политических оппонентов привело к пагубным социальным последствиям после победы Евромайдана.

Проблема с «миссией демократизации» Евромайдана (как и многих других общественных движений, разделяющих общество на «хороших прогрессивистов» и «плохих ретроградов») заключается в его концептуализации «прогрессивных социальных изменений» как predetermined проекте развития по западному пути. В результате такого одномерного взгляда на исторические трансформации Евромайдан в конечном итоге не только не улучшил, но даже ухудшил состояние демократии в стране после отстранения Виктора Януковича от власти. Украинцы, не принявшие Евромайдан, были маргинализированы и стерты с поля политической репрезентации: их мнение, воспринимаемое как мнение «модернизационных лузеров» [Kuzio, 2017, p. 165–166], символически уничтожалось. Выражаясь языком Джона Хартли [Hartley, 1999], происходила «внутренняя колонизация» части населения, исключенной из политического процесса.

Важно отметить: когда в книге говорится о «демократии», имеется в виду качество демократического процесса — способность данной демократической модели (или движения) включать в процесс принятия решений все социальные группы или хотя бы большую их часть [Dingwerth, 2014]. Концепт дискурсивной колонизации, использующийся в книге, фокусирует внимание на дискурсивной маргинализации и символическом уничтожении социальных групп, наделенных статусом более низкого уровня развития. Анализ дискурсивной колонизации социальной «инородности» основан на работах Хартли [Hartley, 1999].

В соответствии с его теорией, выступая от имени «масс», якобы «неспособных» говорить за себя, разные группы «знающего класса» лишают своих соотечественников голоса и их версий правды. Альтернативные дискурсы колонизированного населения, воображаемого инфантильным, необразованным, неопытным и непросвещенным, замалчиваются, маргинализируются или искажаются.

Для анализа противоречий между демократической миссией Евромайдана и его реальными результатами в книге используется метод имманентной критики, позволяющий критиковать движения за демократию и альтернативные СМИ, связанные с ними, исходя из их собственных установок [Antonio, 1981]. Этот тип критики дает возможность дестабилизировать установившийся «здоровый смысл», изобличая его политический характер. Если результаты такого анализа показывают, что существует постоянное расхождение между провозглашенными принципами и реальностью, это означает, что социальные движения, действующие во имя демократизации, должны привести свои действия в соответствие с принципами.

Речь в книге идет о Евромайдане и его последствиях. Однако аналитический метод и выводы, представленные в ней, актуальны не только применительно к Украине. Например, общественный раскол, наблюдаемый сегодня в США, в своей динамике дискурсивного формирования «исключенного другого» имеет много общего с украинским гражданским конфликтом. В глазах противников Трампа трамписты выглядят как «люди, достойные сожаления» — так их назвала Хиллари Клинтон в ходе предвыборной кампании 2016 г. Американских прогрессивистов возмущает приверженность «людей, достойных сожаления» к огнестрельному оружию, их «ксенофобия», «гомофобия» — их «нетерпимость» в целом. Эти слова взяты в кавычки, потому что любое большое сообщество людей всегда многообразно. Не все из сторонников Трампа

гомофобы и расисты, как это пытаются представить их оппоненты. Но дискурсивно ситуация сегодня сконструирована таким образом, будто сложностей и противоречий внутри сообщества приверженцев Трампа не существует — так же как не существовало в глазах активистов Евромайдана внутреннего многообразия среди их противников. В обоих случаях различия в установках противоборствующих лагерей представляются радикальными; ни по одному из спорных вопросов договориться попросту нельзя. И в Украине, и в США многие люди, поддерживающие разные политические лагеря, перестали дружить, встречаться и заключать браки — достигнута степень антагонизма, при которой становится возможным вооруженный гражданский конфликт.

Безусловно, при любом гражданском конфликте негативное конструирование образа врага происходит с обеих сторон. Однако, символически уничтожая миллионы своих сограждан во имя демократии, активисты общественных движений за социальную справедливость уничтожают не только общественный мир, но и само понятие демократии. В этом заключается главный парадокс прогрессивного социального воображения, анализируемого в книге. Кроме того, важно признать: поскольку после победы того или иного «прогрессивного» движения его активисты становятся министрами, членами парламента и другими высокопоставленными чиновниками, политические и социальные последствия их уничижительных дискурсивных конструкций по отношению к миллионам «второсортных сограждан» становятся очевидны.

Ни один из гражданских конфликтов невозможно объяснить только одной причиной — это всегда совокупность разных факторов, связанных в один большой узел противоречий. Во множестве академических работ, написанных на тему украинского кризиса, внимание, как правило, фокусируется на его геополитических аспектах, проблемах

российско-украинских отношений, националистической составляющей украинской политики, имперской политике России по отношению к Украине, неокониальной политике Запада по отношению к Украине и т.д. Каждая из опубликованных работ в той или иной мере расширяет возможность понять и осмыслить то, что произошло в Украине в 2014 г., и последствия происшедшего. Анализ прогрессивного социального воображения Евромайдана, представленный в этой книге, позволит взглянуть на украинский кризис под другим углом и увидеть нюансы, которые не очень заметны при его рассмотрении с упомянутых выше аналитических ракурсов.

Книга состоит из девяти глав. В главе 1 представляются теоретические основы исследования: теория дискурса Лаклау и Муффа, теория популизма Лаклау, теория радикальной демократии Муффа и теория дискурсивного антагонизма Карпентье.

Глава 2 посвящена рассмотрению истории Евромайдана в контексте социокультурного многообразия Украины, сложившегося исторически. В ней акцентируется внимание на том, что Евромайдан был поддержан далеко не всеми жителями Украины: чем дальше на восток, тем более активно и мощно выражалось неприятие движения и его евроинтеграционной повестки.

В главе 3 анализируются дискурсивные конструкции активистов Евромайдана и прослеживается, как с самого начала протестов формировался исключаящий дискурс относительно «других» украинцев, не поддержавших это движение: они представлялись как «рабы», «совки» и «неграждане», чье мнение можно и нужно было игнорировать.

В главе 4 обсуждается популизм Евромайдана, дискурсивно расширивший границы движения до пределов нации. Это позволило лидерам Евромайдана приравнять его требования к требованиям всей Украины, игнорируя

мнения миллионов людей, вытесненных с символического поля политической репрезентации.

Глава 5 представляет антагонистическую структуру гегемонистского дискурса Евромайдана и демонстрирует, как, апеллируя к религиозности и морали, он создавал дихотомию добра и зла, не оставлявшую возможности для политического решения внутреннего кризиса путем компромисса.

В главе 6 рассматривается дискурсивная трансформация «Антимайдана» в «терроризм». Показано, как нежелание видеть в оппонентах людей, достойных внимания и справедливого к себе отношения, со временем становилось ключевой характеристикой политики Евромайдана и освещения его в «прогрессивных» украинских СМИ.

Глава 7 представляет трагедию в Одессе (2 мая 2014 г.) как страшный, но логичный результат раскола социального поля, проистекающего из мифологического, популистского и конспирологического воображения Евромайдана, которое представляет украинский кризис как борьбу «добра» против «зла», подлежащего уничтожению.

В главе 8 анализируется популизм Владимира Зеленского, пришедшего во власть на волне усталости многих украинцев от конспирологической политики страха. Рассматривается вопрос о том, почему после победы на президентских выборах Зеленский стал проводить ту же политику игнорирования мнения миллионов украинцев, что и лидеры Евромайдана до него.

В главе 9 делается попытка ответить на этот вопрос с помощью постколониальной критической теории, которая анализирует глобальную гегемонию западноцентричных концепций развития, позволяющих мерить любые общественные образования по шкале однонаправленного исторического прогресса. Высшую точку на этой шкале всегда занимает (про)западный «авангард», а оппоненты западноцентричных концепций представляются не как

люди с альтернативной политической позицией, а как остальные «варвары», «рабы», «совки», «реднеки», «лузеры» и т.д.

В книге переосмыслены результаты авторских исследований по украинскому кризису, длившихся с начала Евромайдана в 2013 г., которые представлялись на ведущих международных конференциях и публиковались в ведущих международных академических журналах [Baysha, 2015; 2016a; 2016b; 2017; 2018; 2019; 2020a; 2020b; 2020c].

Глава 1

Теория дискурса Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф

«ГЕГЕМОНИЯ и социалистическая стратегия» — самая знаменитая работа Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф — появилась в 1985 г. как реакция на новые общественные движения. Их быстрое распространение стало вызовом всей концепции социалистической революции, основанной на онтологическом видении рабочего класса, представляемого «объединенным и однородным» [Laclau, Mouffe, 1985, p. 2]. Опираясь на постструктурализм и психоанализ, Лаклау и Муфф предложили альтернативную концепцию понимания общественных (в том числе и революционных) движений. По их мнению, все «социальное» (т.е. наделенное смыслом) следует понимать как «дискурсивное», где «дискурс» является матрицей, на которой «действующие лица занимают различные позиции» [Ibid., p. xiii]. Дискурс, по теории Лаклау и Муфф, — это «реальная сила, способствующая формированию и становлению социальных отношений» [Ibid., p. 110].

С точки зрения Лаклау и Муфф, социальные идентичности не заданы априори; они возникают как результат артикуляционных практик, цель которых — установление доминирования одного значения посредством вытеснения других. По этой логике, нет никакого «рабочего класса»

как объективной реальности — есть люди, которые идентифицируют себя с рабочим классом, или которых ассоциируют с ним посредством артикуляции. Иначе говоря, любая общность (идентификация с группой людей) создается исключительно дискурсивно. Тот факт, что человек работает на станке и производит добавленную стоимость, не означает, что этот человек будет либо должен приветствовать революционную борьбу, т.е. что он относится к «рабочему классу» в марксистском понимании данного концепта.

По теории Лаклау и Муффа, нельзя зафиксировать раз и навсегда то или иное значение общности людей, поскольку любая общность (или «тотальность», как пишут авторы) может быть разрушена «полем дискурсивности, которое ее переполняет» [Ibid., p. 113]. Поле дискурсивности — это резервуар элементов (лингвистических знаков), которые могут актуализироваться и превращаться в «моменты», становясь частью дискурса. Вернемся к примеру рабочего класса: человек, работающий на станке, способен идентифицировать себя как с революционным движением, так и с контрреволюцией, противясь переменам, — в этом смысле нет и не может быть ничего предопределенного, как не существует и никакого «ложного сознания», ибо человек волен идентифицировать себя как ему угодно.

Несмотря на «объективность» своего «порабощенного» статуса, рабочий человек может быть вполне доволен своей жизнью, реализуя себя в семье, спорте, увлечениях и т.д. Если это происходит, то такой человек будет рассказывать о себе, используя совершенно другие лингвистические знаки, которых в дискурсивном поле огромное множество; иными словами, он будет идентифицировать себя не так, как предписывает ему дискурс классического марксизма. Если таких людей много, то можно говорить о появлении дискурса, альтернативного марксистскому:

когда рабочий класс перестает выглядеть таким уж однородным и выясняется, что на деле нет никакого «рабочего класса», а есть только «невозможная общность», созданная дискурсивно.

Исходя из такого понимания коллективной идентичности, любые определения и формулировки общественных групп всегда условны и нестабильны, а любые попытки концептуализации общества как беспроблемной целостности всегда проблематичны в том смысле, что неизбежно будут существовать альтернативные видения той или иной целостности, так же как и попытки «переформулировать» ту или иную идентичность.

Конструирование коллективных идентичностей лежит в основе любого политического процесса. Женщины в хиджабах могут считаться «порабощенными» либо, наоборот, «освобожденными» — это будет зависеть от социально-политических условий, в которых формируется дискурс. «Борцы за свободу» могут превратиться в «террористов», и наоборот; «революция» — в «государственный переворот», и наоборот; «гуманитарная помощь» — в «попытку вмешаться во внутренние дела иностранного государства» и т.д. Актуализация того или иного смысла и его фиксация в том или ином дискурсе имеет огромное значение, так как дискурсы в определенной степени создают действительность: невозможно начать антитеррористическую кампанию, не превратив дискурсивно «борцов за свободу» в «террористов»; невозможно вмешиваться в дела чужого государства под предлогом «освобождения женщин Востока» от гнета, если хиджаб дискурсивно связывается не с порабощением, а с сознательным выбором женщин, и т.д.

Поскольку социальные отношения рассматриваются как дискурсивно конструируемые, классическая дихотомия «мысль — реальность» перестает быть актуальной, и «категории, которые до сих пор считались исключитель-

но принадлежащими либо тому, либо другому», пересматриваются [Laclau, Mouffe, 1985, p. 110]. Синоним, метафора, метонимия и другие фигуры речи понимаются теперь не как «формы мысли, добавляющие дополнительный смысл к основному», а как «часть первозданной территории, на которой строится все социальное» [Ibid.], т.е. все социальные смыслы.

По теории Лаклау и Муффа, именно понимание социальных отношений как радикально нестабильных делает возможными гегемонистские практики, которые позволяют выстраивать временные коалиции, основанные на переформатировании связок (эквивалентных цепочек) между различными общественными группами и создании таким образом новых общностей, объединенных ради той или иной цели. Политика становится гегемонистской, если выполняются два основных условия: «наличие антагонистических сил и нестабильность границ, разделяющих их» [Ibid., p. 136].

ТЕОРИЯ ПОПУЛИЗМА ЭРНЕСТО ЛАКЛАУ

Увлечение риторикой, проистекающее из отказа от признания дихотомии «мысль — реальность», становится отличительной чертой теоретизирования Лаклау по окончании их работы с Муфф. В трудах, написанных Лаклау самостоятельно уже после выхода их совместной книги, он характеризует любую тотальность (общность, целостность или идентичность) как парадоксально «невозможную, но необходимую». По Лаклау, тотальность «невозможна, потому что существующее противоречие между эквивалентностью и партикуляризмом в конечном итоге непреодолимо; необходима, потому что без замыкания, каким бы случайным оно ни было, не будет никакого значения и идентичности» [Laclau, 2005, p. 70]. Иначе говоря, даже если мы понимаем, что «ра-

бочий класс» — это сконструированная (невозможная) тотальность, эквивалентно приравнивающая друг к другу огромное количество разных социальных групп с разными интересами, — мы, тем не менее, употребляем этот термин, когда нужно обозначить определенный смысл (воспроизвести марксистский дискурс, например, либо поспорить с ним). Мы не сможем создавать и транслировать смыслы без такой «невозможной, но нужной» дискурсивной фиксации, хотя бы временной. То же самое происходит с любыми другими тотальностями: внутри каждой из них существует много частных различий (партикуляризов), но на какой-то момент — момент дискурсивной фиксации — они как будто уходят на второй план и перестают быть заметными.

В теории популизма Лаклау, на которой основана часть анализа, представленного в данной книге, «народ» появляется тогда, когда одно неудовлетворенное социальное требование¹ объединяется с другими требованиями и когда эти требования «эквивалентно» объединяются, чтобы противостоять установленному порядку. Эта цепочка различных, а иногда даже несоизмеримых претензий эквивалентна только в одном смысле: по отношению к тем, кто исключен из популистского коллектива, именуемого «народ». Как правило, исключенным в популизме является «антинародный режим»; иногда, как в случае с Евромайdanом, в «инородцы» попадают и «прислужники режима». Так или иначе, но исключение «инородности»

¹ Лаклау использует понятие «демократические требования», но подчеркивает, что они не имеют ничего общего с демократическим режимом и не подразумевают никаких нормативных суждений. Имеются в виду любые претензии, которые предъявляют системе разного рода аутсайдеры (underdogs) [Laclau, 2005, p. 125]. Именно из-за того, что это могут быть любые требования к системе — даже фашистские, — я предпочитаю называть их социальными, а не демократическими, как Лаклау.

является условием, приводящим к появлению «народа» и возникновению популизма.

Согласно Лаклау, любая популистская идентичность требует названия, которое служит «клеем» для дискурсивного объединения разнородных элементов невозможного, но необходимого целого. Таким образом, имя популистской идентичности «становится чем-то вроде пустого означающего», играя центральную роль в обеспечении единства и идентичности популистского коллектива. Это пустое *означающее* может стать «плавающим», если оно будет связано с альтернативными цепочками эквивалентности, организующими альтернативные дискурсы. Поскольку любая совокупность разнородных элементов может быть «склеена» только общим названием (пустым *означающим*), и поскольку «крайняя форма партикулярности — это индивидуальность», популистское сообщество часто идентифицируется с именем своего лидера [Laclau, 2005, p. 100].

По мнению Лаклау, процесс «наделения» одного конкретного *означающего* смыслом «мифической полноты» немислим без «аффекта» — момента «наслаждения» [Ibid., p. 101–115]. Когда появляется «народное требование», эмоционально сформированное из множества неудовлетворенных требований, возникает внутренняя антагонистическая граница, отделяющая институционализированную систему от народа. Происходит дихотомический разлом, обусловленный использованием привилегированных *означающих* «режим», «олигархия» и т.п. — для обозначения совокупности «порочного другого» (и его приспешников), а также «народа», «нации» и т.п. — для обозначения «хороших нас».

Лаклау считает, что любой политический проект в известной мере является популистским, что, однако, «не означает, что все они в равной степени популистичны: это зависит от расширения цепи эквивалентности, объеди-

няющей социальные требования» [Laclau, 2005, p. 154]. Чем длиннее цепочка, тем она инклюзивнее. Как объясняет Янис Ставракакис: «При инклюзивном популизме дихотомизация политического пространства организована в основном вертикальным образом (вверх/вниз, вверх/вниз), в то время как исключаящий популизм предполагает горизонтальную (внутреннюю/внешнюю) дихотомию» [Stavrakakis, 2017, p. 530]. Обычно инклюзивность свойственна левопопулистским партиям и движениям, а эксклюзивность является отличительной чертой правопопулистских сил [Mudde, Kaltwasser, 2013].

Согласно Лаклау, тотальность возникает в том случае, когда конкретная частность (партикуляризм), понимаемая как конкретное требование конкретной группы людей, преподносится в качестве репрезентации множества других требований, объединенных эквивалентно, являя собой, таким образом, их единство, которого на самом деле не существует. При этом, выполняя объединяющую гегемонистскую функцию, эта частность (партикуляризм) теряет большую долю своей специфичности и «становится чем-то вроде пустого *означающего*, представляя своим партикуляризмом недостижимую полноту» [Laclau, 2005, p. 71]. Именно здесь риторика в теоретизировании Лаклау выходит на первый план: «Если пустое *означающее* возникает из-за необходимости дать имя объекту, который невозможен, но необходим... эта гегемонистская операция будет сплошь катахрезисной» [Idid., p. 72].

Один из самых известных примеров, который Лаклау использует для иллюстрации своей идеи, — это «Солидарность», массовое общественное движение в коммунистической Польше 1980-х годов, получившее название от профсоюза, базирующегося в Гданьске. По теории Лаклау, *означающее* «Солидарность» стало пустым (утратило свой партикуляризм, т.е. специфический смысл), как только оно перестало представлять конкретные социаль-

ные требования гданьских рабочих и было направлено на обозначение «гораздо более широкого общественно-го фронта против репрессивного режима» [Laclau, 2005, p. 81]. Другими словами, «Солидарность» стала обозначать то, чем она, строго говоря, не была: невозможную, но необходимую совокупность различных антиправительственных требований и группировок, соединенных эквивалентно; она явила собой образный термин целостности, который нельзя было заменить никаким буквальным словом. Как утверждает Лаклау:

В классической риторике фигуральный термин, который нельзя заменить буквальным, называется катахрезой (например, когда мы говорим о «ножке стула»). Этот подход можно обобщить, если мы признаем, что любое искажение смысла основывается на необходимости выразить то, что буквальным термин просто не может передать. В этом смысле катахреза — больше чем конкретная фигура: это общий знаменатель риторики как таковой [Ibid., p. 71].

Катахреза, таким образом, становится основой «онтологической риторики» Лаклау, которая сводит «риторику к тропам, тропы к метафоре и... метафору к катахрезе» [Kaplan, 2010, p. 267]. Настаивая на возможности онтологического обобщения риторической логики и тропологическом характере любой артикуляции, Лаклау утверждает, что «гегемония означает переход от метонимии к метафоре, от отправной точки “смежности” к консолидации в “аналогии”» [Laclau, 2014, p. 22]. Кульминацией этого тропологического движения является момент синекдохи, когда требования одной группы общественного движения принимаются как выражение новой коллективной идентичности, т.е. когда часть начинает представлять целое. В гегемонистской конструкции Лаклау момент синекдохи является решающим.

ТЕОРИЯ РАДИКАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ
ШАНТАЛЬ МУФФ

Этот момент также оказывается решающим с точки зрения расхождения теоретических позиций Лаклау и Муфф после публикации их совместной книги. Согласно детальному объяснению Лаклау своей концептуализации гегемонистского процесса в более поздних работах, момент собственно гегемонии наступает тогда, когда различные группы, эквивалентно объединенные в общественное движение, признают какое-то определенное требование как общее. В представлении Муфф же, наоборот, условие для гегемонии создается в том случае, если отсутствует попытка какой-либо отдельной группы с ее конкретными частными требованиями представить себя как нечто общее:

Гегемония, по Лаклау, в сущности, представляет собой тройной процесс символической репрезентации, который переходит от начального движения метонимии к метафорическому замещению, а затем к решающей (хотя обязательно неполной) синекдохе: части, заменяющей целое. В то же время для Муфф *signa qua* поп радикальной демократической гегемонии — это исключение синекдохи: исключение любой части, замещающей или пытающейся заменить целое [Wenman, 2003, p. 584].

По мнению Муфф, демократическое сообщество должно сопротивляться искушению синекдохического представления «демоса». С ее точки зрения, это несовместимо с принципом плюрализма.

Хотя в своих последних работах Лаклау настаивает на том, что его теория гегемонии не является «нейтральным описанием того, что происходит в мире» [Laclau, 2000, p. 80], «его склонность отдавать предпочтение универсальному над частным резко контрастирует с этико-политической направленностью работы Муфф» [Wenman,

2003, p. 584]. В то время как гегемония, по Муфф, связана с политическим благом, содержание которого определяется в терминах радикального демократического воображаемого, в представлении Лаклау это всего лишь структурная необходимость. Трактовка Лаклау гегемонии как политической игры, в которой разыгрывается борьба между универсальным и частным, позволяет критикам философа утверждать, что его теория может служить «нейтральным концептуальным инструментом для объяснения любой идеологической формации, включая фашистский популизм» [Žižek, 2000, p. 229], и может «использоваться для описания любой конкретной социальной формации независимо от политического содержания, где форма всегда будет одна и та же: (невозможная) борьба за тотальность» [Wenman, 2003, p. 591]. На мой взгляд, именно эта этико-политическая неопределенность в концептуализации гегемонии Лаклау делает его теорию подходящей для анализа гегемонистских конструкций с антидемократическими тенденциями.

В этой книге использована гегемонистская концептуализация Лаклау для анализа тоталитарных замыканий дискурсов Евромайдана. В то же время, анализируя гегемонистский дискурс движения, я также ссылаюсь на теорию радикальной (агонистической) демократии Муфф [Mouffe, 2005; 2009; 2013], применяя ее нормативно. Это позволяет судить об антидемократических тенденциях прогрессивных дискурсов модернизации (цивилизации), которые использовали активисты Евромайдана в Украине.

Подчеркивая важность для демократии «энергичного столкновения демократических политических позиций» [Mouffe, 2009, p. 104], Муфф предостерегает от того, что она называет «замыканием демократического пространства» [Ibid., p. 77], и выступает за его радикальную открытость. «Следует понимать, — утверждает Муфф, — что отсутствие демократического соперничества по поводу ре-

альных политических альтернатив ведет к антагонизму, проявляющемуся в формах, подрывающих саму основу демократической публичной сферы» [Mouffe, 2009, p. 114–115]. Напротив, радикальная открытость демократического пространства приведет к признанию неизвестных или запрещенных возможностей, таких как существование «других справедливых политических форм организации общества» [Ibid., p. 62].

Согласно Муффу, политический процесс немислим без антагонизма; поскольку его невозможно устранить, одной из основных задач демократической политики является превращение антагонизма в агонизм, который философ описывает как:

Другая форма проявления антагонизма — отношения не между врагами, а между «противниками». Причем противники эти парадоксальным образом определяются как «дружественные враги», т.е. люди, которые являются друзьями, потому что делят общее символическое пространство, но одновременно и врагами, потому что хотят иначе организовать это общее символическое пространство [Ibid., p. 12].

Необходимость такой трансформации проистекает из признания плюрализма в качестве основополагающего принципа современной либеральной демократии, понимаемой не просто как форма правления, но как форма организации человеческого сосуществования в политическом плане. Согласно этому видению, различия (во взглядах, позициях субъектов, идентичности и т.д.) приобретают положительный статус: их следует не подавлять, а, скорее, признавать и приветствовать как условие, делающее возможными радикальные демократические проекты.

По мнению Муффу, отношения между членами общества становятся более демократичными, когда они признают и принимают неуниверсальность и ограничен-

ность своих требований. Поскольку определение границ («мы — не они») требуется для построения любой идентичности, дискурсивные замыкания неизбежны. Однако крайне важно признать, что все моменты замыкания, необходимые для создания идентичностей, могут быть произведены различными способами. Конфликт между исключением и включением (кто принадлежит к «нам», а кто к «ним») является постоянным, и «никакое окончательное решение или равновесие между этими двумя конфликтующими логиками невозможно, и могут быть только временные, прагматичные, нестабильные и шаткие переговоры относительно напряженности между ними» [Ibid., p. 45].

Согласно Муфф [Ibid.], стабилизация замыканий через установление прочных разделительных границ ведет к антагонизму и тоталитарным тенденциям правления. Это может произойти, когда границы представлены не как случайные и временные, а как естественные — например, продиктованные соображениями рациональности или морали. Плюралистическая демократия невозможна без множественности конкурирующих сил, пытающихся по-разному определить общее благо; для достижения демократического состояния требуется разрыв с традицией универсализации и гомогенизации как себя, так и других.

Это верно не только в отношении идентичности людей, но и в отношении политических проектов, которые необходимо рассматривать как продукт определенного общества или общественной группы со всей присущей ему спецификой: исторической, культурной, географической и т.д. По словам Муфф, «мы должны перестать представлять институты либеральных западных обществ как решение, которое другие люди обязательно примут, когда они перестанут быть “иррациональными” и станут “временными”» [Ibid., p. 65]. Плюралистическая демократия должна согласиться с тем, что не может быть единого про-

екта, подходящего для управления разными обществами: этот вопрос нельзя рассматривать в однотипных и универсальных терминах. Мир следует воспринимать как «множественность», которая признает «множественность региональных полюсов, организованных в соответствии с различными экономическими и политическими моделями без центральной власти» [Mouffe, 2013, p. 22], а также множественность интерпретаций «демократии».

По мнению Муфф, демократия, понимаемая как норма сосуществования разных людей, «может принимать различные формы в зависимости от разных способов воплощения демократических идеалов в разных контекстах» [Ibid., p. 29]. Возможность многообразного толкования «демократии» проистекает из плюрализма культур, форм жизни и различного понимания «человеческого достоинства». Вместо того чтобы настаивать на том, что путь, по которому идет Запад, является единственно возможным и законным, мы должны признать, что «незападные общества могут следовать разными траекториями в зависимости от специфики своих культурных традиций и религий» [Ibid., p. 35]. Любой политический проект в глобальном масштабе должен разрабатываться с открытым горизонтом, который допускает неограниченные возможности гегемонистской артикуляции.

Только посредством этой радикализации глобально-демократического воображаемого мы можем бросить вызов догме «нет альтернативы» неолиберального неоколониализма, превращающего случайную историческую артикуляцию из конкретного культурного контекста в историческую необходимость, считает Муфф. Чтобы ниспровергнуть неоколониально-неолиберальную гегемонию, сдерживающую воображение, нужно «поставить под сомнение господствующее мнение о превосходстве западной формы развития» [Ibid., p. 36]; «бросить вызов опасному тезису, что демократизация требует вестернизации»

[Ibid., p. 40], и деконструировать «естественность» универсальности западного пути развития. Как утверждает Муфф:

Такая гегемония является результатом дискурсивной конструкции, которая очень специфическим образом артикулирует множество практик, дискурсов и языковых игр самого разнообразного характера. Если это воспринимается как естественное следствие технического прогресса, то только потому, что в результате процесса седиментации политическое происхождение этих случайных практик было стерто; они были натурализованы. Формы идентификации, которые они создали, кристаллизовались в идентичностях, принимающихся как должное. Вот почему неолиберальные практики и институты появляются как результат естественных процессов, как судьба, с которой мы должны мириться, потому что «альтернативы нет» [Ibid., p. 89].

Поскольку «здравый смысл» «естественности» и «неизбежности» неолиберальной исторической стадии сформировался дискурсивно, этот «здравый смысл» может быть трансформирован также посредством артикуляций — контргегемонистских.

ТЕОРИЯ АНТАГОНИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НИКО КАРПЕНТЬЕ

Чтобы проанализировать, как именно «прогрессивный» дискурс активистов за европейское будущее Украины углубил старые социальные конфликты и создал новые, обратимся к теории антагонистического дискурса Карпентье [Carpentier, 2017]. Опираясь на теорию дискурса Лаклау и Муфф и концептуальные разработки из теории конфликтов и их разрешения через трансформацию, Карпентье выделяет узловые моменты, которые, по его мнению, определяют антагонистический дискурс. Этих мо-

ментов три: (1) конструирование радикального отличия врага, (2) гомогенизация себя в противоположность врагу и (3) необходимость уничтожения врага [Carpentier, 2017, p. 172].

Радикальное отличие, предполагаемое антагонистическим дискурсом, проявляется тогда, когда нет символического пространства, которое можно было бы разделить, поскольку противоречия между «нами» и «ними» считаются неразрешимыми. Как пишет Карпентье:

Конструирование этого радикального другого поддерживается логикой дихотомии, тогда как идея отсутствия общего пространства порождает дистанцию. В более крайних случаях это радикальное различие ведет к дегуманизации и демонизации другого и отрицанию самых основных его человеческих черт, что делает уничтожение другого более легким и даже необходимым [Ibid., p. 12].

Как утверждает Карпентье, в антагонистическом дискурсе «дихотомия, определяющая врага и себя, не считается нейтральной, а поддерживает иерархию, которая позиционирует врага ниже себя, а себя выше врага» [Ibid., p. 172].

Гомогенизация, еще одна узловая точка антагонистического дискурса, проявляется в укреплении цепи эквивалентности между теми, кто объединился в своей борьбе против общего врага [Ibid., p. 173]. Другими словами, разнообразие участников общественного движения становится невидимым; различия между ними стираются до такой степени, что любого, кто осмеливается подвергнуть сомнению полную гомогенизацию, объявляют «предателем». Это то, что часто называют «якобинским воображением», противопоставляющим воображаемо однородные сообщества «нас» и «их». Конструирование себя и врага-другого «сочетается с рядом взаимосвязанных процессов: эссенциализацией, универсализацией, нормализацией, морализацией и деисторизацией» [Ibid., p. 174].

Согласно Карпентье, чтобы преобразовать антагонизм в агонизм, т.е. перестать видеть в оппонентах врагов и начать рассматривать их как противников, мнение которых имеет значение, нужно заново сформулировать узловые точки антагонистического дискурса и воссоздать общее символическое пространство между конфликтующими участниками политического процесса. Для восстановления «конфликтного единства», как выражается Карпентье [Ibid., p. 178], необходимо восстановить структурный баланс, чтобы вовлеченные участники политического процесса больше не позиционировались иерархически. Следует также отойти от дихотомии, сделав границы между собой и оппонентом менее четкими для активизации разнообразия позиций и актуализации плюрализма — предварительного условия возникновения агонизма.

Обеспечение большего взаимопроникновения между своей идентичностью и идентичностями других, а также плюрализация позиций в каждом лагере позволяют установить связи между бывшими врагами, что делает возможными союзы через границы и создание символических пространств совместного использования. «Если противники принадлежат к одному и тому же политическому пространству и не пытаются уничтожить друг друга, то размышления о природе данного взаимодействия становятся неизбежными» [Ibid., p. 179]. Это, в свою очередь, открывает путь к выработке взаимоприемлемых условий сосуществования и снижения вероятности насилия в его физической, структурной и символической формах. Превращение антагонизма в агонизм важно для сохранения мира в обществе. Эта задача требует создания политических механизмов, через которые коллективные эмоции по злободневным вопросам будут выражаться так, чтобы оппоненты рассматривались не как враги, а скорее как «дружественные противники».

Плюралистическая демократия предполагает столкновение различных политических позиций и оставляет место для разногласий, которые считаются нормой и приветствуются. Если этого нет, существует опасность замены демократического противостояния насилием, как в конечном итоге произошло в Украине. Более того, всеобъемлющий демократический проект не может быть успешным без вовлечения в политический процесс самых разных социальных групп. Нежелание или неспособность разговаривать с «другими» будет иметь пагубные последствия для политической борьбы: революционное меньшинство либо не сможет добиться успеха, накапливая обиды и всегда обещая вернуться, либо захватит власть насильственными методами и будет удерживать ее с помощью тоталитарных методов управления.